

Джордж Брант

Последний вальс

Джордж Брант
Последний вальс

«Автор»

2026

Брант Д.

Последний вальс / Д. Брант — «Автор», 2026

Судьба играет вальс, но правила диктует смерть. Пронзительный дебют Джорджа Бранта о том, что настоящая любовь не знает последних аккордов. Книга для тех, кто ищет в прозе не сюжет, а душу.

© Брант Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Джордж Брант

Последний вальс

Глава 1

Мой отец имел обыкновение говорить, что жизнь человеческая есть череда запертых дверей, и лишь немногим дано услышать музыку, доносящуюся из-за той, единственной, которую им суждено открыть. В пору моей юности, проведённой на западном побережье среди людей, уверенных, что все двери распахнуты перед ними настезь, я полагал эту мысль старомодной и чрезмерно мрачной. Позже, когда я узнал Джеймса и Кэтрин Дэвенпорт, я понял, до чего он был прав.

То лето 1924 года выдалось на Лонг-Айленде душным и каким-то неестественно долгим, будто само время замедлило ход, увязнув в густом, пахнущем морем и разогретой хвоей воздухе. Я снимал крошечный домик на самом краю Ист-Эга — не из снобизма, а из врождённого недостатка средств, который всю жизнь вынуждал меня селиться на периферии чужого веселья. По вечерам я садился у окна с томиком Суинберна, которого тогда любил с пылкостью двадцатитрёхлетнего юноши, не подозревающего, что через пять лет будет стыдиться этого увлечения, и слушал, как с той стороны залива доносится смех — лёгкий, пересыпаемый звонком бокалов, смех людей, для которых жизнь была не задачей, а декорацией.

Моим ближайшим соседом оказался мужчина лет тридцати пяти, чьё имя я поначалу даже не потрудился запомнить. Он жил один в огромном, выстроенном в колониальном стиле особняке, чьи белые колонны в лунном свете казались костями какого-то доисторического зверя. Свет у него горел до рассвета, и порой, выглянув в сад, я видел его тёмный силуэт в проёме высокого, от пола до потолка, окна — он стоял неподвижно, словно ожидая кого-то, кто никогда не должен был прийти.

— Мистер Дэвенпорт, — сказал мне местный почтальон, когда я поинтересовался владельцем особняка, и в голосе его мне почудилась та осторожная смесь уважения и сплетни, с какой в маленьких городках говорят о людях, чьё богатство не имеет внятного объяснения. — Джеймс Дэвенпорт. Приехал сюда три года назад из самого Нью-Йорка. Говорят, был женат на самой красивой женщине восточного побережья.

— Был? — переспросил я.

— Он и сейчас женат, — почтальон чуть понизил голос. — Только вот жена его живёт в городе. И почти не выезжает.

Я не придавал этим словам особого значения. Люди, подобные Дэвенпорту, были для меня тогда лишь частью пейзажа — как море, как песок, как крики чаек на рассвете. Я был занят собственной жизнью, которая, впрочем, сводилась к попыткам писать роман, обречённый никогда не быть дописанным, и редким вылазкам в город, где я обедал с приятелями по Йелю, такими же бедными и такими же подающими надежды, пока им это не надоело.

В конце июня я получил приглашение. Плотный конверт цвета слоновой кости, внутри — карточка, исписанная удивительно изящным, почти женским почерком: «Мистер и миссис Дэвенпорт будут счастливы видеть мистера Николаса Грина на своём ежегодном летнем вечере. Суббота, тридцатого июня, в восемь часов пополудни. Танцы. Белое».

Белое. Это последнее слово было подчёркнуто дважды.

Я не был знаком ни с самим Дэвенпортом, ни с его женой. Позже выяснилось, что меня пригласили по рекомендации нашего общего приятеля, человека с утомительно длинной фамилией, которую я здесь опушу из соображений элементарной порядочности. Но в ту минуту, глядя на карточку, я ощутил странное волнение — то самое, предшествующее событиям, чью

важность мы не способны осознать сразу, но чья тень уже падает нам под ноги, удлиняясь с каждым часом.

В субботу, ровно в восемь, я вошёл в раскрытые ворота особняка Дэвенпортов.

Сад был залит светом сотен крошечных фонариков, подвешенных на невидимых в темноте нитях, — казалось, они парят в воздухе, как светлячки, застывшие в минуту перед бурей. Духовой оркестр играл вальс; его меланхолическая мелодия плыла над головами гостей, и все они — мужчины в безупречных белых костюмах, женщины в ниспадающих платьях, — двигались в такт, словно водоросли на дне прозрачного моря.

Я взял у проходившего официанта бокал шампанского и остановился у края террасы, разглядывая толпу. И почти сразу увидел его.

Джеймс Дэвенпорт стоял у балюстрады, чуть поодаль от гостей, и курил. Он был высок, строен, с лицом, какие обычно приписывают поэтам и людям, погибшим молодыми. В его манере держаться сквозила та особая, почти незаметная усталость, какая бывает лишь у тех, кто слишком долго обладал слишком многим. И всё же было в нём нечто, заставлявшее задерживать взгляд, — не красота, нет, но то, что за ней стоит, та хрупкость, которую мы часто принимаем за силу, пока она не даст первую трещину.

Он перехватил мой взгляд, улыбнулся краем губ и чуть заметно кивнул. Я кивнул в ответ.

— Вы — Грин, — сказал он, подойдя. Это был не вопрос. — Ник. Мне говорил о вас Барлоу. Вы пишете роман.

— Пытаюсь, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал беспечно. — Пока безуспешно.

— Всякий роман сначала безуспешен, — заметил он, и в его тоне прозвучало что-то, что я не сумел разобрать. — Главное — знать, о чём пишешь. А для этого надо жить.

Он сказал это так, будто «жить» означало нечто совершенно иное, чем то, что мы, его гости, делали в эту минуту — пили, смеялись, кружились в танце.

— Вы давно здесь живёте? — спросил я, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— Давно, — он выпустил струйку дыма, глядя куда-то поверх моей головы, туда, где за тёмной гладью залива мерцали огни Уэст-Эгга. — Слишком давно. Иногда мне кажется, что я живу здесь всегда.

В этот момент к нам подошёл человек с фотоаппаратом — один из тех вездесущих репортёров светской хроники, что наводняли Лонг-Айленд в тот сезон. Дэвенпорт, едва заметив его, сделал шаг назад, и лицо его на мгновение приняло выражение почти детского испуга. Но он тут же овладел собой и, коротко извинившись, смешался с толпой.

— Он не любит фотографироваться, — сказал кто-то рядом со мной низким, грудным голосом. — Говорит, фотография крадёт непрожитое.

Я обернулся — и впервые увидел её.

Кэтрин Дэвенпорт стояла в двух шагах от меня, и весь свет, весь воздух, вся музыка этого вечера вдруг словно бы собрались в одну точку, имя которой было — она. Она была не просто красива — этого слова недостаточно, чтобы описать женщину, чья красота казалась не свойством, а действием, событием, чем-то, что происходило с вами, пока вы на неё смотрели. У неё были тёмные, гладко зачёсанные назад волосы, очень белая кожа и глаза того оттенка серого, какой бывает у зимнего моря перед снегопадом. Она была одета в платье цвета слоновой кости, простое, почти строгое, но держалась так, словно на ней были лучшие шелка Парижа. И во всём её облике сквозило то же выражение тихой, глубоко запрятанной печали, какое я заметил у её мужа.

— Я Кэтрин, — сказала она. — Жена хозяина. Вы ведь тот самый молодой человек, что пишет роман?

— Боюсь, да. Эта характеристика меня преследует.

Она рассмеялась — тихо, коротко, и смех этот прозвенел и погас, как нота, взятая на дальней клавише.

— Не позволяйте этому преследовать вас, — сказала она. — Писательство — единственное занятие, в котором неудача выглядит благороднее успеха.

Она взяла с подноса бокал и сделала маленький глоток. Её пальцы, длинные и тонкие, чуть заметно дрожали.

— Мистер Дэвенпорт сказал мне удивительную вещь, — начал я. — Что фотография крадёт непрожитое. Это очень...

— Очень в духе Джеймса, — закончила она за меня. — Он всегда говорит то, что люди хотели бы слышать о себе. Но не то, что он чувствует на самом деле.

— А что он чувствует?

Она посмотрела на меня — долгим, оценивающим взглядом, от которого мне стало не по себе и одновременно захотелось, чтобы он длился вечно.

— А вот это, мистер Грин, — сказала она наконец, — ему не известно самому.

Я хотел спросить ещё что-то, но в эту минуту оркестр заиграл новую мелодию — тягучую, печальную, словно созданную для того, чтобы под неё прощаться, — и Кэтрин, пробормотав извинение, отошла к другим гостям. Я смотрел ей вслед и думал о том, что есть люди, чьё присутствие ощущается даже после того, как они ушли, — как аромат духов, как эхо.

Этот вечер положил начало всему, что случилось потом. Но тогда, стоя на террасе с бокалом теплеющего шампанского в руке, я ещё не знал, что стал свидетелем начала конца — или, вернее, конца того, что никогда по-настоящему не начиналось. Я не знал, что Джеймс и Кэтрин Дэвенпорт были не просто мужем и женой, но двумя половинами одной катастрофы, разлучить которые значило бы разрушить их обоих, а оставить вместе — подвергнуть разрушению всё, что их окружало.

Но музыку, доносившуюся из-за той самой двери, о которой говорил мой отец, я впервые услышал именно в ту ночь.

Глава 2

На следующее утро я проснулся с тем особым чувством неясной тревоги, какое всегда посещает меня после слишком шумных сборищ, — будто я сказал или сделал нечто непоправимое, но память услужливо скрыла от меня подробности. Солнце уже стояло высоко, и от воды поднимался лёгкий пар, обещавший к полудню превратиться в удушливую жару. Я приготовил кофе на маленькой, закопчённой плитке и вышел на веранду, надеясь, что утренний бриз сгонит остатки вчерашнего шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.